

УДК 93.94

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В.А. Матвеев

**DEMOGRAPHIC ASPECTS
OF RUSSIAN POLICY IN THE NORTH CAUCASUS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье анализируются изменения в составе населения на Северном Кавказе в период, когда сохранялись еще препятствовавшие интеграционному сближению обстоятельства. В данном контексте рассматривается и русская колонизация. Выделяются причины утраты правительственного контроля за переселенческим движением в пределы края. Внимание обращено не только на внутреннюю, но и на зарубежную составляющую в его формировании. Принимавшиеся официальные решения с направленностью на восстановление управляемости процессом заселения края сочетались, как отмечается в контексте исследования, с мерами по удовлетворению потребностей в земле соотечественников иной этнической принадлежности. Дискриминации и в этом случае, вопреки укоренившимся оценкам, по мнению автора, не допускалось. Вместе с тем им отмечаются и упущенные возможности при проведении политики.

Abstract. The article analyzes the changes in the composition of the population in the North Caucasus during the period when the circumstances that still prevented integration rapprochement persisted. Russian colonization is also considered in this context. The reasons for the loss of government control over the resettlement movement to the territory are highlighted. Attention is paid not only to the domestic but also to the foreign component in its formation. The official decisions made with a focus on restoring the manageability of the settlement process of the region were combined, as noted in the context of the study, with measures to meet the land needs of compatriots of other ethnicity. Discrimination in this case, contrary to ingrained assessments, according to the author, was not allowed. At the same time, missed opportunities in the implementation of policy are also noted.

Ключевые слова: аграрная перенаселенность, геополитический проект, демографические изменения, иногородний статус, иноэтническое население, интеграционный фактор, климатическая приспособленность, русская колонизация.

Keywords: agrarian overpopulation, geopolitical project, demographic changes, nonresident status, non-ethnic population, integration factor, climatic fitness, Russian colonization.

Казачьи станицы на северокавказской окраине во второй половине XIX в. размещались преимущественно там, где проживали когда-то племена, выселившиеся в Турцию. Горцы для этих целей вытеснению с занимаемых земель не подвергались. Свободные фонды использовались и для их хозяйственного обустройства. В различных источниках сохранились соответствующие

подтверждения. При обобщении выявленной в них информации А. Долгушин особо выделил то, что «с умиротворением Кавказа плоскостные земли... представляющие широкую возможность культуры различных растений, стали привлекать к себе как туземное, так и казачье население» [1, с. 8]. Восточнославянской колонизации им отводилась лишь вспомогательная роль.

Мерами же правительства, как убедился А. Долгушин на основе выявленных фактов, она в преобладающей степени не определялась. Направленные на преодоление обособленности, они прослеживались только в период, когда было достигнуто «умиротворение Кавказа» [1, с. 8–9]. В дальнейшем государственное регулирование оказалось утраченным. Необходимость обеспечения защиты российских подданных предопределила на начальной стадии «военный» характер колонизации северокавказской окраины. Из-за нарастания стихийного притока крестьянских масс из центральной России, обезземеленных реформой 1861 г. он вскоре претерпел изменение [2, л. 8-об–9].

Заселение стало происходить преимущественно стихийно. Определяющую роль в нем так же, как и на других окраинах, играла в последующие десятилетия народная инициатива. Разрабатывался тогда же правительственный проект переселения на Кавказ с предоставлением больших льгот «турецких христиан» (некрасовцев, болгар, черногорцев, армян, греков и др.) из Османской империи [3, с. 44]. Для его реализации образуется специальный Комитет, которому придавались организационные полномочия [3, с. 44]. С конца 1861 г. им была развернута широкая агитационная деятельность. В случае успеха предполагалось из «турецких христиан» создать дополнительный демографический барьер в противостоянии с Османской империей, активно формировавшей из единоверных мусульман, выходцев с Кавказа, «ударную силу» против России. Но переселение «турецких христиан» в ее пределы оказалось не столь массовым, как предусматривалось первоначально [4, с. 144], и реализация проекта, в отличие от турецкого, вскоре прекращается.

Официальное отношение к нему изменилось. Возобладали представления, что предпочтительнее сохранить «турецких христиан» на традиционных этнических территориях и не допускать массового с них выселения, так как это приведет к геополитическим последствиям не в интересах России. Вместе с тем рядом управленческих структур сдерживался процесс и восточнославянской колонизации. Объяснение этому посещавшие Кавказ еще во второй половине XIX в. усматривали в особом составе существовавшей «администрации и чиновничества». При соприкосновении с действительностью по складывавшемуся у них впечатлению ни по одному из ведомств в крае не было не только русской, но даже «полурусской власти» [5, с. 127]. За счет этого использовались необходимые для утверждения знания местной специфики, обладателями которых являлись привлекавшиеся к управлению представители от различных народов Кавказа. Между тем именно ими привносилось в проводившуюся политику то, что противоречило ее основополагающим критериям.

Противодействие оказывалось и расширению восточнославянской оседлости [5, с. 127]. Входившие в состав краевой администрации чиновники

различных уровней выдерживали так или иначе линию в соответствии с насаждавшимся заключением: «На Кавказе свободных мест для поселения русских нет» [5, с. 127]. При этом распространение данное утверждение имело не только в административных кругах. Установка на ограничение русской колонизации Кавказа обосновывалась и через прессу. С помощью ее оценка также откладывалась в общественном мнении, способствуя в ряде случаев провоцированию межэтнических конфликтов и выдавливанию русских переселенцев. Противодействие их притоку оказывалось, например, краевой администрацией при заселении Черноморского округа Кубанской области [6, л. 12].

Сложившееся на Кавказе самоуправление в значительной мере государственной властью не контролировалось. Наряду с этим ограниченными оказывались полномочия наместников и главноначальствующих, хотя подчиненность их императору и правительственным инстанциям не нарушалась [5, с. 127]. После исхода значительной части мусульманского населения с Северо-Западного Кавказа в единоверную Османскую империю, что не предусматривалось российской политикой, «особое положение» о заселении этой части края получило 10 марта 1866 г. «высочайшее утверждение» [6, л. 12]. Но из-за опасения министра внутренних дел, что узаконение данного проекта приведет к массовому «переселению из внутренних губерний», даже подписанный монархом, он так и не был опубликован и, соответственно, не вступил в силу [6, л. 12].

К концу XIX в. вследствие стихийного перемещения обезземеленных крестьян из центральной и юго-западной России на окраины, в том числе и на Северный Кавказ, правительственный контроль над переселенческим движением, как в целом, так и по отдельным регионам, был полностью утрачен, и оно стало неуправляемым. С 1894 г. делались попытки восстановить регулирование этим процессом, для чего в его организацию были внесены некоторые усовершенствования [7, с. 47–48]. Так, при Министерстве внутренних дел в 1896 г. было создано специальное переселенческое управление с предоставлением ему необходимых полномочий в разрешении соответствующих его статусу проблем [7, с. 47–48].

На рубеже XIX–XX вв. возможности для колонизации Кавказского края из внутренних губерний России между тем существенно сузились. Влияние на это оказало и производившееся ранее наделение землей «туземного населения», что также рассматривалось в качестве важнейшей составляющей государственной политики. На территорию Кавказа действие переселенческого законодательства и его основного Закона 1889 г. «О добровольном переселении крестьян на казенные земли» распространилось по ходатайству краевой администрации лишь с 1899 г. [3, с. 44]. А в 1904 г. в существовавшее законодательство были внесены по императорскому указу дополнения, закрепившие оказание государственной поддержки только в тех случаях, когда переселение производилось «в интересах землеустроительного дела во внутренних губерниях или колонизации окраин» [7, с. 66]. Но и в начале XX в. отмечалось «отсутствие специальных правительственных органов для руководства переселенческим делом» и обсуждалась проблема недостатка «правительственной помощи» [8, с. 51].

Потеря же контроля за переселенческим движением в конце XIX в. привела, кроме того, к усилению иностранной колонизации южных регионов России, достигшей большого размаха, особенно в Закавказье, и формировавшейся из выходцев как европейского, так и азиатского зарубежья: греков, немцев, турок и др. Размеры ее вызывали опасения [9, л. 11]. Этот процесс был обусловлен в том числе воздействием достаточно сильного в России государственного поля, имевшего тогда немалые притягательные возможности. Нередко европейцы или представители азиатских стран, попадая в сферу его влияния, приехав на службу или в поисках лучшей доли, становились «русскими по духу», не отвергая при этом свою прежнюю этническую принадлежность.

Неслучайно эмиграция в пределы России держалась в отдельные периоды XIX столетия примерно на таком же уровне, как и в США, с той лишь разницей, что была преимущественно аграрной. Энциклопедический словарь «Россия», изданный в 1898 г. при поддержке Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (С.-Петербург), по поводу демографических изменений в двух странах содержит, в частности, такие результаты сравнений. Если «в губерниях и областях, издавна входивших в состав Российской империи, население за 173 г. увеличилось в 6 раз», то в Североамериканских Штатах с 1790 г. возрастание произошло с «4... до 70 милл.», то есть «в 17 и $\frac{1}{2}$ » раза [10, с. 92]. В первом случае динамика определялась все же преимущественно естественными показателями, так как исчисления производились по статистическим данным, выявленным «в губерниях и областях, издавна входивших в состав Российской империи» [10, с. 92].

Сведения же по окраинам при этом не учитывались. Предпринятыми в 1898 г. подсчетами установлено, что население России удваивалось «через каждые 70 лет». По быстроте же увеличения она все же уступала Североамериканским Штатам, куда приток эмигрантов был значительно выше [10, с. 92]. Однако по количеству прибывавших из-за границы с намерением обрести подданство Российская империя и в конце XIX в. устойчиво занимала второе место в мире. Численность их фиксировалась регулярно в губернских и областных всеподданнейших отчетах, ежегодно направлявшихся в Петербург [10, с. 92].

Приезжавших из-за границы привлекали в России не только свободные земли, но и защищенность «твердым государственным порядком». Для прекращения колонизационных потоков из-за границы в 1897–1904 гг. был принят ряд законов, дававших дополнительные преимущества русским переселенцам [9, л. 11–11-об.]. Колонизационная политика в соответствии с ними претерпела изменения. Снятыми оказались и устанавливавшиеся ранее ограничения. Основопологающим для нового курса явился закон от 6 июня 1904 г. Его положениями переселенцы освобождались от круговой поруки. Им предоставлялась тем самым возможность свободного выхода из общины [11, с. 60]. Этим устранялось одно из препятствий для оставления прежних ареалов оседлости, где существовала нехватка земли для удовлетворения потребностей нуждающихся.

Льготы, предоставлявшиеся переселенцам на окраины ранее, были расширены. Им выделялись различные пособия. Оказывалась в пути и по прибытии к местам водворения врачебная и продовольственная помощь. Устанавливался пониженный «переселенческий тариф» за проезд по железной дороге. По прибытии к новым местам жительства предоставлялись ссуды на обзаведение хозяйством [11, с. 60]. Однако на северокавказской окраине из-за сокращения запасов свободных земель и возникшего к тому времени аграрного перенаселения возможности русской колонизации заметно снизились, сохранившись на прежнем уровне лишь в немногих наиболее плодородных районах (например, в Хасавюртовском округе Терской области), а в Закавказье были уже упущены [12, л. 87–88].

Из-за сложившейся обстановки привлечение русского населения для освоения края существенно затруднилось и даже наметился обратный отток переселенцев [14, л. 34]. Этому способствовало и противодействие их закреплению в ряде местностей, где существенно преобладало «инородческое население». Наиболее распространенными способами выдавливания восточнославянских переселенцев являлись грабежи, поджоги, уничтожение посевов и т. д., приводившие крестьянские хозяйства к разорению [15, с. 63]. Несмотря на попытки властей противодействовать этому, этнический террор обретал в начале XX в. по всему Северному Кавказу все более широкое распространение. Конфликты принимали такой же характер и между различными «туземными обществами» [16, л. 4]. Но в большей мере они затрагивали восточнославянских переселенцев.

Несанкционированному же перемещению на Кавказ, равно как и на другие окраины оказывалось административное противодействие. Осуществлялось оно нередко «принудительными мерами». В ряде случаев, как считал С.Ю. Витте, оно основывалось «на крепостнических чувствах и идеях» [17, с. 290]. В связи с изменениями в подходах устанавливавшиеся ранее административные препятствия несанкционированному переселению отвергаются как бесполезные, и со значительным опозданием колонизация окраин ставится в зависимость от необходимости соблюдения законности. Последовал ряд упрощений в получении надлежащих разрешений, предусматривалось предоставление льгот тем, кто изъявлял желание осваивать периферийные районы империи [7, с. 48]. Однако предпринимавшиеся усилия не приводили к изменению положения. Подкреплявшие их инициативы уже не позволяли кардинальным образом его поправить. Ситуация усугублялась и иными допущенными ошибками.

С восстановлением наместничества в 1905 г. призванный к управлению Кавказом в непростое время генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, как и предшественники, русской колонизации отводил ведущую роль в придании ускорения интеграционному процессу. Это неоднократно отражалось в его «всеподданнейших записках» [12, л. 87–88]. В начале XX в. проблема заселения окраин из центральных губерний Российской империи, где отсутствовали тогда возможности земельного обустройства, обсуждалась и в специальных изданиях. С русской колонизацией в них связывалось немало положительных перемен в перспективах развития других подданных империи [18, с. 3].

Необходимость русской колонизации как консолидирующего средства для обширной и разнородной империи с 1905 г., в связи с проявившимися по ходу революционного кризиса рецидивами этнополитической нестабильности на ряде окраин, признавалась еще больше. Однако из центральной России, по настоянию краевых властей всех уровней, ее вынуждены были все-таки прекратить. Для продолжения закрепления русской оседлости на Кавказе, или по употреблявшемуся емкому определению «русификации», администрация края стала подыскивать новые массивы земель, в основном в государственных фондах, а также покупать на эти нужды уголья у частных собственников через Крестьянский поземельный банк [15, л. 9-об.]. Предоставлявшаяся тем самым перспектива выхода из положения в тот промежуток времени оставалась наиболее оптимальной при решении проблемы аграрной неустроенности.

Средства в Крестьянском поземельном банке на равных условиях предоставлялись всем подданным Российской империи. Ссуды выделялись при обращении и горцам. Так, в 1908 г. ингуши «в числе 60 дворов» создали «товарищество», и, получив помощь в Крестьянском поземельном банке, приобрели участок «Затрапезный», принадлежавший ранее русским владельцам. Однако в новом месте поселились они не все и половину земли стали сдавать в аренду кабардинцам, которые пользовались возможностью такого наема и раньше. Для своих сельскохозяйственных нужд ингуши оставили только восточную часть купленного массива, составлявшую всего половину. Не все члены товарищества оказались задействованными и в ее обработке. Часть вернулась обратно в родные аулы нагорной полосы [20, л. 45].

Продажа участков вызывалась в какой-то мере последствиями наметившейся и на Северном Кавказе дестабилизацией в период революционного кризиса. Особую обеспокоенность у занятого в аграрном секторе различных социальных групп русского населения вызывали произошедшие тогда межэтнические конфликты, а также не прекратившиеся и впоследствии «грабежи и разбои». Для предотвращения оттока прибывших ранее переселенцев краевые власти принимали меры. Целесообразным прежде всего было признано проводить восточнославянскую колонизацию за счет уже находившегося на северокавказской окраине русского и принадлежавшего к другим этническим общностям, так называемого иногороднего (пришлого) крестьянского населения, достигшего значительной численности и в большинстве своем безземельного [21, л. 37, 39-об.].

Только на Северном Кавказе акклиматизированного и приспособленного к местным условиям контингента в начале XX в. по имевшимся в распоряжении администрации подсчетам достигла 1,5 миллионов человек. Состояло иногороднее население не только из русских. Относились к ним также не имевшие оседлости армяне, грузины, представители горских народов и др. Учитываться при этом стали в краевых управленческих структурах длительность проживания на Северном Кавказе и сформировавшаяся приспособленность к местным условиям, в том числе и «акклиматизация» [21, л. 37, 39-об.].

Тем не менее иногородние, в отличие от русских крестьян и казаков, обосновавшихся раньше и признанных коренными, не имели права входить в общины, принимать участие в самоуправлении и, соответственно, иметь земельный надел. Однако коренными не признавались и казаки, переселившиеся в другую станицу. Они также относились к разряду иногородних. Эта практика распространялась и на выходцев из аулов. Определялась же она нехваткой земли в пределах края [22, с. 40]. Наиболее благоприятные изменения стали происходить при осуществлении столыпинской аграрной и переселенческой политики [23, с. 22], в которой освоению окраин отводилась особая роль.

Прибывавшие на восточные окраины по ходу ее проведения выходцы, например, из «малороссийских губерний» с теплотой вспоминали впоследствии проводившуюся в Российской империи политику по освоению свободных земель. Включение их в хозяйственный оборот они признавали позитивным явлением. Для поддержки переселявшихся создавались «крестьянские банки», где можно было получить на льготных условиях кредиты для обзаведения, выделялись наделы, каждой семье бесплатно предоставлялась лошадь и корова [23, с. 22]. Но такое содействие в ряде случаев исключалось.

По отображенным А. Долгушиным при составлении «Прибавления» к «Терскому календарю на 1907 г.» свидетельствам вовлеченность в заселение «жителей южных губерний России» вызывалась распространявшимися слухами «про необычайное плодородие и обилие свободных земель на Кавказе» [1, с. 8]. Переселение в Терскую область так же, как и другие субъекты края, в передаче А. Долгушина осуществлялось «отдельными семьями или более или менее многочисленными группами». В колонизацию включались, по его выражению, «русские мужички Астраханской, Воронежской, Киевской, Харьковской, Полтавской и др. губерний» [1, с. 8].

Данный фрагмент из воспроизведения специфики этнодемографического процесса на Кавказе указывает на отсутствие разделения восточнославянского сообщества в начале XX в. Воспринималось оно по-прежнему, как можно судить в том числе по описанию А. Долгушина, в качестве единого русского народа. Изложенные в его статье сюжеты указывают вместе с тем на то, что переселение на Кавказ «из внутренних губерний» было значительно меньше, по сравнению с участием в освоении свободных земель горского и казачьего населения [1, с. 8–8-об.]. Вновь отмежеванные для переселений участки на Кавказе были в основном низкого качества и к 1913 г. составляли всего 536 тыс. десятин. Из них для намеченных целей удалось использовать только 3,7 % [24, с. 6, 38 (подсчет авт.)]. Сложившееся положение изменить, несмотря на предпринимавшиеся попытки, не удалось.

Затруднения для русской колонизации в начале XX в. определялись не в последнюю очередь тем, что под нее отводились чаще всего неудобные земли. По качественным показателям они существенно уступали наделам,

предоставлявшимся ранее. Участки с более благоприятными возможностями, как установлено специальными исследованиями, использовались для обеспечения нуждавшихся в аульных обществах. Русским переселенцам и в тот промежуток времени так же, как в ряде случаев и на предшествующих этапах, выделялись территории «сплошь покрытые кустарниками и камнями» или располагавшиеся в заболоченных местах. Некоторые из них оказывались малопригодными для организации сельскохозяйственного производства и требовали в возделывании больших усилий [25, с. 47].

В Дагестанской области, например, для русских переселенцев предусматривались выявленные резервы, значительную часть которых «занимали песчаные буруны, сухие бесплодные пески». Существовала на выделявшихся участках и постоянная угроза затопления при разливах рек, что наносило огромный материальный ущерб. Приспосабливая их под пашни, русские переселенцы вынуждены были расчищать их «от камней, кустарников, камышей» [25, с. 47], принимать меры для повышения их плодородия. Тем не менее в ряде случаев им все же удавалось создавать «высокопроизводительные хозяйства» [25, с. 47].

На Кавказе, как и во всей Российской империи, действовал закон, заставлявший водворение в пределах территорий традиционного этнического расселения. Поэтому участники колонизации края имели возможность размещаться только на не введшихся ранее в сельскохозяйственный оборот землях, составлявших не освоенный резерв. Подтверждается это в том числе в описании процесса формирования русской оседлости в пределах Северо-Западного Кавказа А. Долгушиным. По изложенным в нем данным из различных источников прибывавшие группы переселенцев нигде не образуют «более или менее сплошных поселений» и разбросаны «почти по всему пространству плоскостной части Терской области» [1, с. 7].

Переселение на Северный Кавказ в начале XX в. существенно сократилось. Не в последнюю очередь на этом сказывалось отсутствие полноценных для ведения сельскохозяйственного производства резервных земельных фондов. Даже осевшие ранее русские переселенцы вынуждены были искать возможности обустройства в Закавказье, где тем не менее также отсутствовали свободные площади для водворения. Вместе с тем отток земледельческого населения происходил в Сибирь и Туркестанский край [25, с. 46].

Тенденция же замедления роста численности русского сельского населения на северокавказской окраине, вопреки ожиданиям в связи с предпринимавшимися инициативами правительства и краевой администрации, становилась все более устойчивой. Восточнославянская колонизация являлась, как показывает анализ ее особенностей на северокавказской окраине, одним из аспектов российской политики государственного сплочения разнородных этнических общностей. Смешение населения и налаживавшиеся постоянные контакты способствовали также формированию солидарного взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгушин А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России / А. Долгушин. – Текст : непосредственный // Терский календарь на 1907 г. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г. А. Вертепова. Вып. 16. – Владикавказ : Типография Терского областного правления, 1907. – Прибавление. С. 1–73.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 25. – Д. 487. – Текст : непосредственный.
3. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Ростов н/Д. : ИРУ, 1990. – 256 с. – Текст : непосредственный.
4. Гальцев, В. С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. / В. С. Гальцев. – Текст : непосредственный // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 18. – Орджоникидзе : СОНИИ, 1956. – С. 127–150.
5. Лурье, С. В. Российская империя как этнокультурный феномен / С. В. Лурье. – Текст : непосредственный // Цивилизации и культуры : научный альманах. Вып. 1. «Россия и Восток: цивилизационные отношения». – М. : Институт востоковедения РАН, 1994. – С. 116–131.
6. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). – Ф. 416. – Оп. 3. – Д. 1055. – Текст : непосредственный.
7. Ананьич, Б. В. Кризис самодержавия в России (1895–1917 гг.) / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – Л. : Ленинградское отделение издательства «Наука», 1984. – 664 с. – Текст : непосредственный.
8. Туманов, Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе / Г. М. Туманов. – СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1901. – 113 с. – Текст : непосредственный.
9. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 3. – Д. 3041. – Текст : непосредственный.
10. Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
11. Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с. – Текст : непосредственный.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 19. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 1779. – Оп. 1. – Д. 526. – Текст : непосредственный.
14. РГВИА. – Ф. 970. – Оп. 3. – Д. 1115. – Текст : непосредственный.
15. Гаджиев, А. Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане / А. Г. Гаджиев. – Махачкала : Дагестанский филиал АН СССР. ИИЯЛ, 1963. – 353 с. – Текст : непосредственный.
16. ГАРФ. – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 645. – Текст : непосредственный.
17. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 708 с. – Текст : непосредственный.
18. Кауфман, А. Переселение и колонизация / А. Кауфман. – СПб. : Типография т-ва «Общественная польза», 1905. – 349 с. – Текст : непосредственный.
19. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА). – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 96 (ч. 2). – Текст : непосредственный.
20. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 407. – Текст : непосредственный.

21. РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 19. – Д. 220. – Текст : непосредственный.
22. Тхамокова, И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии / И. Х. Тхамокова. – Нальчик : Эль-Фа, 2000. – 237 с. – Текст : непосредственный.
23. Голушко, Н. М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2 т. Т. 1 / Н. М. Голушко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Интербук-бизнес, 2014. – 508 с. – Текст : непосредственный.
24. Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. – СПб. : Переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия, 1913. – 39 с. – Текст : непосредственный.
25. Денисова, Г. С. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Г. С. Денисова, В. П. Уланов. – Ростов н/Д. : РГПУ, 2003. – 352 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Dolgushin A. On resettlement to the Terek region from the inner provinces of Russia. *Terskii kalendar na 1907 g. = The Terek Calendar for 1907*. Ed. by G. A. Vertepov. Vladikavkaz, Printing House of the Terek Regional Board, 1907. Iss. 16. Pp. 1–73. (In Russian).
2. Rossiiskii gosudarstvennii voenno-istoricheskii arhiv (dalee – RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (hereinafter – RSMHA)]. Fund 400, inventory 25, case 487.
3. *Krestyanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma* [The Peasantry of the North Caucasus and the Don during Capitalism]. Rostov-on-Don, PH RU, 1990. 256 p.
4. Galtev V. S. Rebuilding the system of colonial rule in the North Caucasus in 1860–1870. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta = Bulletin of the North Ossetian Research Institute*, 1956, vol. 18, pp. 127–150. (In Russian).
5. Lurie S. V. The Russian Empire as an ethnocultural phenomenon. *Civilizatsii i kulturi: nauchnii almanah. Vypusk 1. «Rossiya i Vostok: civilizatsionnie otnosheniya» = Civilizations and Cultures: Scientific Almanac. Issue 1. «Russia and the East: Civilizational Relations»*. M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1994, pp. 116–131. (In Russian).
6. *Centralnii istoricheskii arhiv Gruzii* [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 416, inventory 3, case 1055.
7. Ananich B. V., Ganelin R. Sh. *Krizis samoderzhaviya v Rossii (1895–1917 gg.)* [The Crisis of Autocracy in Russia (1895–1917 gg.)]. Leningrad, Leningrad Branch of the Publishing House “Nauka”, 1984. 664 p.
8. Tumanov G. M. *Zemelnie voprosi i prestupnost na Kavkaze* [Land Issues and Crime in the Caucasus]. SPb., P.P. Soykin Printing House, 1901. 113 p.
9. RGVIA [RSMHA]. Fund 400, inventory 3, case 3041.
10. *Rossiya. Enciklopedicheskii slovar* (Brokgauz F. A., Efron I. A.) [Russia. Encyclopedic Dictionary (Brockhaus F. A., Efron I. A.)]. SPb., 1898; Leningrad: Lenizdat, 1991. 922 p.
11. *Narodi Rossii: enciklopediya* [The Peoples of Russia: Encyclopedia]. Ed by V.A. Tishkov]. M., The Great Russian Encyclopedia, 1994. 479 p.
12. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv (dalee – RSHA) [The Russian State Historical Archive (hereinafter – RSHA)]. Fund 1276, inventory 19, case 1.
13. Gosudarstvennii arhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) [The State Archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF)]. Fund 1779, inventory 1, case 526.
14. RGVIA [RSMHA]. Fund 970, inventory 3, case 1115.

15. Gadzhiev A. G. Pomoshch russkogo naroda v ustanovlenii Sovetskoi vlasti v Dagestane [The Assistance of the Russian People in Establishing Soviet Power in Dagestan]. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1963. 353 p.
16. GARF [SARF]. Fund 1318, inventory 1, case 645.
17. Vitte S. Yu. Izbrannie vospominaniya, 1849–1911 gg. [Selected Memoirs, 1849–1911]. M., Mysl, 1991. 708 p.
18. Kaufman A. Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb., Printing House “Public benefit”, 1905. 349 p.
19. Centralnii gosudarstvennii arhiv respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 224, inventory 1, case 96 (part 2).
20. Gosudarstvennii arhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Oblast]. Fund R-1390, inventory 1, case 407.
21. RGVA [RSMHA]. Fund 1276, inventory 19, case 220.
22. Thamokova I. Kh. Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii [Russian and Ukrainian Population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Publishing Center «El-Fa», 2000. 237 p.
23. Golushko N. M. KGB Ukraini. Poslednii predsedatel [KGB of Ukraine. The last chairman]. M., Interbook-business, 2014, vol. 1. 508 p.
24. Obzor pereselencheskogo dela na Kavkaze za pyatiletie 1908–1912 gg. [An Overview of the Resettlement Case in the Caucasus for the Five Years 1908–1912]. SPb., Resettlement Department of the Main Directorate of Land Management and Agriculture, 1913. 39 p.
25. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sociokulturnogo statusa [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-on-Don, RSPU, 2003. 352 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Демографические аспекты российской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 125–135.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Demographic Aspects Russian Policy in the North Caucasus in the Second Half of the XIX – Early XX Century / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 4, pp. 125–135. (In Russian).